

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА
ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Знак
Москва
2012

УДК 811.161.1
ББК 81.031
П 25

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-16068д

Пеньковский А. Б.

П 25 **Исследования поэтического языка пушкинской эпохи: Филологические исследования** / Предисл. М. Л. Каленчук; Изд. подгот. И. А. Пильщиков, В. С. Полилова, И. С. Приходько; Под общей ред. И. А. Пильщикова. — М.: Знак, 2012. — 660 с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 8-978-9551-0498-0

В книге собраны труды А. Б. Пеньковского (1927—2010), посвященные изучению особенностей поэтического языка Пушкина и его современников. По своей общей теоретической основе, по методам и приемам комплексного филологического и лингвокультурологического анализа помещенные здесь исследования развивают и углубляют работу, начатую автором в книге «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» (1999; 2-е изд., 2003) и продолженную в цикле статей, опубликованных в книге «Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики» (2005).

В задачи автора входит непротиворечивое объяснение многих, кажущихся при беглом поверхностном чтении понятными, а на самом деле «темных мест» хорошо знакомых нам классических текстов. Анализ подкрепляется обширными языковыми данными XVIII—XX вв., отражающими глубокие, но малозаметные сдвиги в языковой системе.

Книга будет интересна пушкинистам, историкам русской литературы и русско-го языка, а также всем, кто хочет глубже понять Пушкина и культуру той эпохи.

ББК 81.031

Александр Борисович Пеньковский

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Филологические исследования

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета С. Жигалкина
Подписано в печать 07.12.2011. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс. Усл. п. л. 51,5. Тираж 800. Заказ №
Издательство «Знак». № госрегистрации 1027701010435.

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>

ISBN 978-5-9551-0498-0

9 785955 104980 >

© А. Б. Пеньковский (наследники), 2012
© М. Л. Каленчук. Предисловие, 2012
© Знак, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

От редакторов издания	7
Библиографическая справка	10
От автора	13

I. Загадки пушкинского текста и словаря

Об эпитафии из Э. Бёрка к первой главе «Евгения Онегина».....	21
Об «антипоэтическом характере» Онегина, или Как читать Пушкина	46
О страсти и страстях, или Умел ли Онегин любить	75
О скуке, тоске, зевоте и лени	93
«...В хронологической пыли / Бытописания земли» («Евгений Онегин», 1, VI, 10—11).....	155
«...И после ей наедине / Давать уроки в тишине» («Евгений Онегин», 1, XI, 13—14).....	172
«Так уносились мы мечтой / К началу жизни молодой» («Евгений Онегин», 1, XLVII, 13—14).....	193
«...Кто все движенья, все слова / В их переводе ненавидит» («Евгений Онегин», 4, LI, 11—12)	197
Квакер («Евгений Онегин», 8, VIII, 7)	203
«Из худших» или «из лучших»? О комментариях к строфе XXXV 8-й главы «Евгения Онегина».....	210
О чердаках, вранях и метаязыке литературного дела	226
Еще раз о вранях, а также о сверчках и кузнечиках, о кузнечно-поэтическом деле, о скандирующем чтении стихов и о поэтах-Стукодеях	262

II. Из наблюдений над поэтическим языком пушкинской эпохи

«...Тогда не мчалась ель на легких парусах...» (К. Н. Батюшков. «Элегия из Тибулла», 1811)	277
«Шумы, шуми с крутой вершины, / Не умолкай поток седой!...» (Е. А. Баратынский. «Водопад», 1820)	297
Себе на уме	355
Полежаев — Сопиков — Храповицкий	368
Тимофеевич или Никифорович?	378
«Я знаю Русь, и Русь меня знает»	384

III. О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней)

О двух типах регулярной многозначности в языке пушкинской эпохи	397
О семантике наречий <i>бережно</i> и <i>осторожно</i>	401
Категория масштаба: <i>жилец</i> , <i>житель</i>	430
Категория масштаба: <i>захолустье</i> , <i>скитаться</i>	432
Категория масштаба: <i>дом</i> (малый локус)	458
Категория масштаба: <i>старина</i> , <i>преданье</i>	486
Категория масштаба: <i>часто</i> — <i>редко</i>	507

Приложение

Незавершенные работы А. Б. Пеньковского

«За ближний пень / Становится Гильо смущенный» («Евгений Онегин», 6, XXIX, 8—9)	533
«Суда летучие, торговлей окриленны, / Кормами рассекут свободный океан» (А. С. Пушкин. «На возвращение государя императора...», 1815)	547
«Имел он песен дивный дар / И голос, шуму вод подобный» (А. С. Пушкин. «Цыганы», 1824)	565
Об одной загадке лермонтовского «Булевара» (1830)	605
Библиография	609
Указатель имен	630
Указатель произведений и писем А. С. Пушкина	646
Указатель произведений и писем М. Ю. Лермонтова	657
Перечень экскурсов	659

От редакторов издания

Прошло полтора года с тех пор, как не стало Александра Борисовича Пеньковского. С течением времени масштаб и незаурядность его личности, человеческая и профессиональная сила, нестандартность и неординарность становятся лишь очевиднее и нагляднее для нас, оставшихся. Александру Борисовичу было дано удивительное умение в привычном и обыденном увидеть неожиданное и новое. Читать и слушать его всегда было захватывающе интересно; каждое его выступление — в печати или с кафедры — было настоящим интеллектуальным праздником.

Научные интересы Александра Борисовича исключительно разносторонни — от диалектологии (его первой лингвистической специальности), фонетики и морфологии до грамматической и лексической семантики, орфоэпии, орфографии, художественной антропонимики и анализа поэтического текста. Но в последние двадцать лет жизни он сосредоточил свое внимание на фундаментальной проблеме описания особенностей поэтического и литературного языка пушкинской эпохи. В новейшем пушкиноведении А. Б. Пеньковский стал основоположником целого направления — лингвистической (или филологической) герменевтики, то есть такого подхода к текстам художественной литературы, при котором языковые данные используются для истолкования «темных», непонятных для современного читателя мест, которыми изобилуют классические произведения.

Пеньковского-лингвиста отличала необычайная чуткость к малейшим, обычно не замечаемым расхождениям между языковыми нормами нашего времени и пушкинской поры, к принципиальным, но не улавливаемым большинством читателей (в том числе читателей-профессионалов) категориальным различиям. Вероятно, в этом сказался и его громадный опыт диалектолога: умение увидеть в привычном — незнакомое, в «близкородственном» — «дальнее», в «своем» — «чужое». Благодаря этой чуткости, опираясь на обширный, тщательно собранный материал, Пеньковский в своих работах сумел прояснить множество неясных или только кажущихся ясными фрагментов и показать, с чем связаны ошибки их интерпретации, свойственные нашим современникам, а порой и современникам автора.

Многочисленные конкретные исследования и открытия привели Пеньковского к фундаментальным выводам о том, насколько значительно русский язык пушкинской эпохи отличается от языка нашего времени. Причем этот вывод носит индуктивный характер и этим принципиально отличается от простой констатации различий между разными периодами развития языка. Кажимое единство современного русского языка и языка русской литературы Золотого века сослужило дурную службу исследователям, читающим Пушкина и его современников глазами человека нашего времени, вкладывающим в тексты пушкинской эпохи характерные для нашего современного языкового сознания значения и смыслы, и тем самым закрывающим себе возможность проникновения в подлинный пушкинский текст. Научная методология и солидная лингвистическая аргументация в работах А. Б. Пеньковского позволила открыть потерянные значения слов, форм и оборотов в составе художественных текстов и решить многие сложные проблемы интерпретации не только отрывков, содержащих эти «странные» обороты, но и всего текста в целом. Замечательный филолог и пушкинист С. Г. Бочаров, напомнив о словах Л. Я. Гинзбург («Пушкинисты никогда не читают Пушкина в оригинале»), пишет в посвящении своей статьи: «Александру Борисовичу Пеньковскому, у которого мы учимся читать роман “Евгений Онегин” в оригинале, то есть на пушкинском языке»¹.

Книга «Поэтический язык пушкинской эпохи» включает наряду с новыми работами некоторые из ранее опубликованных, но к настоящему изданию значительно расширенных очерков А. Б. Пеньковского. Структура книги определена логикой работы автора. Первый раздел («Загадки пушкинского текста и словаря») составили исследования языка Пушкина; второй — работы о лингвостилистических особенностях поэтического языка пушкинской поры («Из наблюдений над поэтическим языком пушкинской эпохи»). Разыскания в области диахронической динамики семантических категорий русского языка вошли в третий раздел книги («О развитии скрытых семантических категорий русского языка»). В Приложении публикуются четыре неоконченные работы Пеньковского, посвященные изучению языка Пушкина и Лермонтова. Публикаторы взяли на себя смелость предложить их вниманию читателей не только потому, что сам автор видел их в составе этой книги. Несмотря на их незавершенный характер, они представляют безусловную научную ценность благодаря собранному в них обширному языковому материалу и проницательным наблюдениям ученого-лингвиста. Это не наброски, не разрозненные фрагменты или выборка примеров, но вполне проработанный текст, ясно вы-

¹ «Слово — чистое веселье...»: Сб. ст. в честь Александра Борисовича Пеньковского / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки слав. культуры, 2009. С. 197.

ражающий авторскую концепцию, с характерными для Пеньковского развернутыми примечаниями. Однако сюда же примыкает множество примеров, не получивших разъяснений или сопровождавшихся отдельными репликами, только фиксирующими мысль, которую предполагалось раскрыть в дальнейшем.

Статьи, объединенные общим замыслом, содержат некоторые повторы — как языкового и историко-литературного материала, так и теоретических положений. Конечно, сам автор изъяснил бы такие повторы, довел бы до филигранной отточенности каждую мысль, включил бы в поле исследования всё множество собранных им примеров, развернул бы намеченные примечания и экскурсы. Нам же остается бережно сохранить то, что имеется, и представить книгу на суд читателя.

Библиографическая справка

В первый раздел сборника включены исследования, продолжающие тематику книги А. Б. Пеньковского «Загадки пушкинского текста и словаря» (М., 2005). Приводим данные о первых публикациях и важнейших републикациях этих статей ¹.

1. Об эпитафии из Э. Бёрка в рукописи 1-й главы «Евгения Онегина» // Искусство поэтики — искусство поэзии: К 70-летию И. В. Фоменко: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. А. Миловидов. Тверь: Каф. теории лит. ТвГУ, 2007. С. 71—90.

2. Об «антипоэтическом характере» Онегина, или Как читать Пушкина // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 214—229. С испр. и доп. в сб.: Словесность в вузе и школе: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. И. Фурашов. Владимир: ВГГУ, 2008. С. 75—126.

3. О страсти и страстях, или Умел ли Онегин любить, или Как читать Пушкина // Пушкин и поэтический язык XX века: Сб. ст., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Отв. ред. Н. А. Фатеева. М.: Наука, 1999. С. 42—59. С изм. в кн.: А. Б. Пеньковский. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999. С. 89—101. То же. Изд. 2-е, испр. и доп. / Предисл. В. Н. Топорова. М.: Индрик, 2003. С. 99—112.

4. «Хандра» — о скуке, тоске, зевоте и лени, или Как читать Пушкина // А. Б. Пеньковский. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999. С. 165—238 (229). То же. Изд. 2-е, испр. и доп. / Предисл. В. Н. Топорова. М.: Индрик, 2003. С. 187—267 (256).

5. Загадки пушкинского текста и словаря: «...В хронологической пыли / Бытописания земли» («Евгений Онегин», 1, VI, 10—11) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 796—811.

6. Загадки пушкинского текста и словаря: «...И после ей наедине / Давать уроки в тишине» («Евгений Онегин», 1, XI, 13—14) // Человек как слово: Сб. в честь Варлана Айрапетяна. М.: Языки слав. культур, 2008. С. 133—154.

7. Загадки пушкинского текста и словаря: «Так уносились мы мечтой / К началу жизни молодой»: («Евгений Онегин», 1, XLVII, 13—14) // Аванесовские чтения: Междунар. науч. конф. 14—15 фев. 2002 г.: Тез. докл. М., 2002. С. 221—222.

¹ Полную библиографию печатных работ А. Б. Пеньковского см. в кн.: «Слово — чистое веселье...»: Сб. ст. в честь Александра Борисовича Пеньковского / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки слав. культуры, 2009. С. 602—615.

8. Загадки пушкинского текста и словаря: «Но жалок тот, кто все предвидит, / Чья не кружится голова, / Кто все движенья, все слова / В их переводе ненавидит» («Евгений Онегин», 4, LI, 11—14) // Проблемы русской лексикографии: Тез. докл. междунар. конф. Шестые Шмелевские чтения. 24—26 февраля 2004 г. М., 2004. С. 83—88.

9. Загадки пушкинского текста и словаря: [Квакер] // Новый журнал = The New Review. 1999. Кн. 217. С. 119—126.

10. «Из худших» или «из лучших»? (О комментариях к строфе XXXV восьмой главы «Евгения Онегина» и об одной связанной с ними текстологической ошибке) // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика: К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой. М.: Азбуковник, 2003. С. 32—39.

11. Загадки пушкинского текста и словаря: О чердаках, вралях и метаязыке литераторского дела в пушкинскую эпоху: («Евгений Онегин», 4, XVIII—XIX) // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 128—167. С изм. в кн.: А. Б. Пеньковский. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики / Под ред. И. А. Пильщикова и М. И. Шапира. М.: Языки слав. культур, 2005. С. 115—152 (Philologica russica et speculativa; Т. IV).

12. Еще раз о *вралях*, а также о *сверчках* и *кузнечиках*, о кузнечно-поэтическом деле, о скандирующем чтении стихов и о поэтах-*Стукоедах*. Публикуется впервые.

Во втором разделе помещены статьи, входящие в цикл «Из наблюдений над поэтическим языком пушкинской эпохи», и примыкающие к ним работы.

1. Из наблюдений над поэтическим языком пушкинской эпохи: 3. [...*Тогда не мчалась ель на легких парусах...*] (К. Н. Батюшков. Элегия из Тибулла, 1811) // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Материалы междунар. науч. конф. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 24—28 мая 2007 года / Отв. ред. Н. А. Фатеева. М.: Языки слав. культур, 2007. С. 124—131.

2. Из наблюдений над поэтическим языком пушкинской эпохи: 1. «*Шуми, шуми с крутой вершины, / Не умолкай поток седой!..*» (Е. А. Боратынский. Водопад, 1820) // Художественный текст как динамическая система: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию летию В. П. Григорьева. 19—22 мая 2005 г. М., 2007. С. 70—88.

3. *Себе на уме* // Этимология 2000—2002 / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2003. С. 177—186. То же в кн.: А. Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 293—307. (Studia philologica).

4. Полежаев — Сопиков — Храповицкий // Рус. речь. 1983. № 4. С. 127—134. То же в кн.: А. Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 395—406. (Studia philologica).

5. Тимофеевич = Никифорович? // Рус. речь. 1988. № 3. С. 25—31. То же в кн.: Тимофеевич или Никифорович? // А. Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 407—413. (Studia philologica).

6. «Я знаю Русь, и Русь меня знает» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 49, № 6. С. 541—547. То же в кн.: А. Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 449—460. (Studia philologica).

В третьем разделе книги публикуются очерки, объединенные автором в цикл «О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней)».

1. О двух типах регулярной многозначности в языке пушкинской эпохи // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. междунар. науч. конф. 30 янв. — 2 февр. 2001 г. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2001. Ч. 2. С. 176—179.

2. Очерки по семантике русских наречий. *Бережно, осторожно* и др. (от Пушкина до наших дней) // А. Б. Пеньковский. Очерки по русской семантике. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 204—238. (*Studia philologica*).

3. О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней): Категория масштаба: [*жилец, житель*] // Аванесовские чтения: Междунар. науч. конф. 14—15 февр. 2002 г. Тез. докл. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 219—221.

4. О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней): Категория масштаба: 1. *захолустье*; 2. *скитаться* // Вопр. языкознания. 2004. № 1. С. 42—59.

5. О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней): «в четырех стенах»: Дом человека как малый локус // Язык как материя смысла: Сб. ст. к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007. С. 285—304.

6. Категория масштаба: *старина, преданье*. Публикуется впервые.

7. Категория масштаба: *часто — редко*. Публикуется впервые.

В приложении к сборнику публикуются четыре незавершенные работы автора, посвященные изучению языка Пушкина и Лермонтова.

В настоящее издание все публиковавшиеся ранее статьи вошли в исправленном и дополненном виде. Для статей, включенных в первые два раздела книги, проведена сплошная сверка источников и восстановлены недостающие ссылки; для остальных работ сверка произведена выборочно.

Произведения и переписка Пушкина, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по большому академическому изданию (*Пушкин. Полное собрание сочинений*. [М.; Л.], 1937—1949. Т. 1—16). При ссылках на это собрание указываются только номера томов и страниц. «Евгений Онегин» цитируется по тому же изданию с указанием номеров глав, строф и строк.

В цитатах из словарей сохраняется графическая разметка словарных статей. В остальных цитируемых источниках все выделения разрядкой, курсивом и полужирным шрифтом, за исключением оговоренных, принадлежат автору книги.

От автора

...Всесильный бог деталей...

Б. Пастернак

Эта книга объединяет ряд очерков, посвященных загадочным строкам текстов Пушкина (главным образом — романа «Евгений Онегин»), Батюшкова и Боратынского — как давно обсуждаемым в пушкинистике, так и не привлекавшим к себе до сих пор внимания комментаторов и исследователей. По своей общей теоретической основе, по методам и приемам комплексного филологического и лингво-культурологического анализа публикуемые здесь исследования развивают и углубляют работу, начатую автором в двух изданиях книги «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы» [Пеньковский 1999; 2003] и продолженную в цикле исследований, опубликованных в книге «Загадки пушкинского текста и словаря» [Пеньковский 2005]. Последовательно проведенный герменевтический подход к слову Пушкина и всей пушкинской эпохи в целом позволяет обнаружить в нем никогда и никем не отмечавшиеся ранее значения и смыслы, за которыми скрыты и могут проявить себя неизвестные нам стороны ж и в о й р у с с к о й ж и з н и в м н о г о о б р а з н ы х и, в частности, в литературных ее отражениях.

Так, например, удалось понять и показать (подтвердив на новом, еще более значительном материале ранее сделанные наблюдения [Пеньковский 1999/2000; 2005: 14—60]), что глагол *любить*, наряду с обычными для современного языка значениями 'любить' и 'нравиться', мог широко и свободно использоваться в значении 'страстно желать (чего-либо)', 'мечтать (о чем-либо)', откуда *разлюбить* — 'перестать мечтать' (это полностью разрешает одну из самых сложных загадок «онегинского текста»), тогда как *ненавидеть* — помимо 'ненависти' — было способно передавать также более мягкие значения 'пренебрежения', 'отчуждения' и 'отвержения', что позволяет снять некоторые противоречия в понимании целостного образа Татьяны.

Удалось также понять и показать, что банальнейшее в нашем сегодняшнем восприятии и как будто простое, как мычание, слово *скука* имело в языке Пушкина и всей пушкинской эпохи чрезвычайно сложную семантическую

структуру, представлявшую целый спектр взаимосвязанных значений, среди которых одним из самых употребительных является то значение, которое мы привыкли передавать словом *тоска*. Но это было слишком сильное для ежедневного употребления слово — особенно в сознании людей пушкинского времени, уставших от несдержанной, экспрессивно взвинченной речи в текстах сентиментальной и преромантической литературы предшествующей эпохи. Именно так — в качестве эвфемистически сниженного синонима *тоски* — и использовали его и Онегин в потоке внутренней речи о себе самом, и повествователь, рассказывающий нам о своем герое. И даже Татьяна — когда в радостном ужасе от сознания открытой ею в себе любви к Онегину и еще не вполне понимая того, что происходит в ее душе, она бросается к няне в надежде услышать слово, которое сама не решается произнести, а на ее встревоженный вопрос: «Что, Таня, что с тобой?» — отвечает, снимая все волнения, успокоительным: «*Мне скучно*» (в рифме с «*душно*»), за которым на самом деле стоит «...я тоскую, / *Мне тошно, милая моя!*». Но няня в конце концов Татьяну поняла. Пушкинистика же, знающая только современное значение слова *скука*, пренебрежительно заклеимила Онегина кличкой «скучающего бездельника», тогда как он на самом деле «тоскующий герой», герой глубокой и высокой неизбывной т о с к и. Таким образом удалось восстановить подлинное — отвечающее нормам пушкинской поэтической речи и общим языковым нормам эпохи — значение многих ключевых слов пушкинского романа.

Принятое в этой работе движение аналитической мысли от слова в тексте к жизни органично дополняется обратным направлением анализа от жизни к тексту. На этих путях получают важное (иногда — фундаментально важное!) для понимания целого объяснение такие «мелкие» текстовые детали, как, например, имя *квакер* в длинном перечислительном ряду недоброжелательно примериваемых великосветской публикой к Онегину словесно-понятийных масок (8, VIII) или загадочная корабельная «*корма*» как инструмент «рассечения» «летучими судами» вод «свободного океана» в стихотворении шестнадцатилетнего Пушкина («На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году»).

Обращение к живым свидетельствам живой жизни позволило понять, что *квакер* здесь не «член основанной в XVII в. и распространенной в Англии и США религиозной секты», как определяют значение этого имени в общерусском языке наши толковые словари [ТС 1935, I: стб. 1343; БАС 1956, 5: 903; МАС 1982, II: 43] и как полагают составители «Словаря языка Пушкина», а вслед за ними и В. В. Набоков, просто воспроизводящие словарную энциклопедическую информацию, и не прозвище «кривляющихся мистиков» при дворе Александра I, а также не метафорическое переименование строгих

блустителей нравственности, а широко распространенное в дружеском кругу «арзамасцев» добродушно-ироническое прозвище «чудаков-англоманов».

Равным образом, чтобы объяснить загадку пушкинской «кормы», нужно было выяснить, что знал лицеист Пушкин об устройстве кораблей, о кораблеводении и о море и в какой степени и по каким источникам он владел метаязыком морского дела в эти годы, и тогда стало достаточно ясно, что все его представления о кораблях и о море основывались преимущественно на античных текстах, ставших ему первоначально доступными в французских переводах.

Достижимое строго научными методами и опирающееся на не вызывающую сомнений лингвистическую аргументацию, определение подлинных значений слов, форм и оборотов в составе художественных текстов оказывается существенно важным для решения многих сложных проблем их интерпретации.

В указанном отношении, как показали представленные в этой книге исследования, особенно важным и плодотворным оказывается комплексный анализ разного рода словесных лексико-семантических текстовых ансамблей, которые нужно принципиально отличать от общеязыковых лексико-семантических групп, семантических полей, тематических рядов и т. п. парадигматических объединений. Речь здесь идет не о так или иначе связанных между собою «сырых» единицах общего словаря, а о единицах художественного текста, подвергнутых целенаправленному отбору, закаленных в творческом горниле художника, выкованных на наковальне в кузнице мастера слова (этой метафоре, восходящей к глубокой индоевропейской древности, и целой системе сложившихся на ее основе образов в поэтическом языке пушкинской эпохи посвящено отдельное публикуемое здесь исследование) и объединенных друг с другом высшей авторской волей и в соответствии с неким специальным замыслом.

Таковы, например, целостные словесные ансамбли «малых» «Татьяниного» (5, V, 1—8) и «Онегинского» (8, XXVI, 9—14) текстов, связанных рядом объединяющих их лексических единиц, среди которых «преданья», «старина», «сны», «предсказанья» и дополняющие их нетождественные, но близкие по смыслу «угрозы» и «предчувствия». Хорошо известно, что общепризнанное лексическое единство этих двух пространственно разделенных фрагментов пушкинского романа стало основанием для одного из важнейших в «онегиноведении» постулата Г. А. Гуковского и Ю. М. Лотмана о нравственном перерождении Онегина, который под духовным обаянием Татьяны мысленно погружается в ее чистый патриархальный мир — мир фольклора, мир народной песни и сказки (чем заодно подкрепляется тезис о его изначальной порочности).